

УДК 39
ББК 83.3

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-6-31-39

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ УДМУРТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: РОЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

И. А. Купцова, Е. А. Бучкина

Аннотация. Статья посвящена анализу современной удмуртской поэзии. Рассмотрены вопросы отражения этнокультурной идентичности в произведениях ряда современных удмуртских авторов (в том числе А. Шумиловой, Б. Анфиногенова). Выявлено, что наиболее значимым средством выражения этнокультурной идентичности выступает обращение к мифологическим образам удмуртов, которые соотносятся с культурными универсалиями и культурными кодами глобального уровня (Мировая река, Мировое дерево, мифы об этногенезе и т. д.). Отдельное внимание уделено билингвальным поэтическим произведениям современных удмуртских авторов, представляющим мир как оппозицию «своего» (тексты на удмуртском языке) и «чужого» (тексты на русском языке), обладающих противоположными семантическими коннотациями. Билингвальность удмуртской литературы рассматривается как художественный прием трансформации смыслов. Рассмотрено одно из самых заметных течений в современной удмуртской литературе – этнофутуризм, широко используемый в произведениях мифологические образы и образы традиционной удмуртской культуры. Мифологические образы органично интегрированы в поэтическую ткань произведений, что свидетельствует об их укорененности в сознании современных носителей удмуртской культуры.

Ключевые слова: удмуртская литература, удмуртская поэзия, этнокультурная идентичность, мифологические образы, семантика текста, этнофутуризм, культурные коды, культурно-историческая память.

ETHNOCULTURAL IDENTITY IN CONTEMPORARY UDMURT LITERATURE: THE ROLE OF MYTHOLOGICAL IMAGES

I. A. Kuptsova, E. A. Buchkina

Abstract. The article analyses contemporary Udmurt poetry. Questions of reflection of ethnocultural identity in works of a number of modern Udmurt authors (including A. Shumilova,

© Купцова И. А., Бучкина Е. А., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

B. Anfinogenov) are considered. It is revealed that the most significant means of expressing ethno-cultural identity is the reference to the mythological images of Udmurts, which correspond with cultural universals and culture codes of the global level (World River, World Tree, myths about ethnogenesis, etc.). Special attention is paid to bilingual poetic works of contemporary Udmurt authors, representing the world as an opposition to „self” (texts in Udmurt language) and „non self” (texts in Russian) with opposite semantic connotations. The bilingualism of Udmurt literature is seen as an artistic method of transforming meanings. One of the most prominent directions in modern Udmurt literature is considered – ethno-futurism, which widely uses in its works mythological images and images of traditional Udmurt culture. Mythological images are organically integrated into the texture of verse of the works, which testifies to their rootedness in the minds of modern bearers of the Udmurt culture.

Keywords: *Udmurt literature, Udmurt poetry, ethnocultural identity, mythological images, text semantics, ethno-futurism, culture codes, cultural-historical memory.*

Этнокультурная идентичность как объект анализа. Вопросы этнокультурной идентичности характеризуются нарастающей актуализацией, объективно обусловленной трансформационными процессами, происходящими в современном мире. Глобализационные процессы, стремительно нарастающие с последних десятилетий XX в., порождают не только центристские характеристики нивелировки культурного пространства, его гомогенизации и стандартизации, «стирания» культурных границ и различий, но и вызывают к жизни все больше явлений и процессов прямо противоположного – центробежного характера, обозначенных термином «глокализация» и закономерно вызывающих научный интерес исследователей с позиций различных дисциплинарных подходов.

Различные аспекты вопросов этнокультурной идентичности нашли отражение в ряде работ. Среди прочих значимых для нашего исследования положений, отметим замечание С. А. Арутюнова: «Хорошо это или плохо, но внеэтнического языка, внеэтнических форм поведения... человечество еще не выработало» [1, с. 9].

Ядром культуры является язык, выступающий ключевой характеристикой этнокультурной идентичности; он отражает картину мира и сохраняет коллективную память народа, которая включает комплекс мифологических представлений, традиции, верова-

ния, трактовку общего прошлого и т. д. Таким образом, этнокультурная идентичность неразрывно связана и во многом обусловлена культурной памятью, ставшей, начиная с работы немецкого ученого Я. Ассмана [2], объектом осмысления как на уровне повседневности, так и научных исследований. Одним из механизмов трансляции культурной памяти, формирования этнокультурной идентичности выступает литература. При этом особое место занимает литература национальная, развивающая язык народа.

Ведущие подходы к исследованию современной удмуртской литературы. Одним из ракурсов анализа этнокультурной идентичности выступает обращение к исследованию мифологических образов, нашедших отражение в современной литературе. Рассмотрим данный вопрос на примере удмуртской литературы, которая активно развивается, демонстрируя в настоящее время ряд направлений и течений, воплощенных в произведениях различных литературных жанров.

Отметим, что удмуртская литература стала предметом анализа ряда современных исследователей, которые рассматривают такие вопросы, как:

- история удмуртской литературы (Т. И. Зайцева, В. К. Кельмаков, А. В. Камитова);
- мифы удмуртов, картина мира удмуртского этноса (В. Е. Владыкин, Т. Г. Владыкина, А. А. Арзамазов, А. С. Измайлова-Зуева);

- основные течения в современной удмуртской литературе (А. А. Арзамазов, И. С. Кадочникова);

- этнофутуризм как направление современной удмуртской литературы (В. Л. Шибанов, П. М. Захаров, Н. В. Кондратьева, Б. В. Анфиногенов);

- билингвальная удмуртская литература (А. В. Камитова, В. Г. Пантелеева) и др.

Ключевое для понимания современной удмуртской литературы – это осознание влияния на нее традиционной картины мира удмуртов. Особую роль в «декодировании» смыслов играют ставшие классическими монографии В. Е. Владыкина «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов» (1994) и Т. Г. Владыкиной «Удмуртский фольклор» (1997). В литературоведческих работах достаточно подробно рассмотрены отдельные мифологические образы различных произведений удмуртской литературы (например, мифологические персонажи Кылдысин, Инмар, Шайтан – в работах А. А. Арзамазова), а также значимых в мифопоэтическом плане животных (прежде всего – пресмыкающиеся и птицы).

Отдельно необходимо остановиться на таком важном для удмуртской литературы художественном направлении, как этнофутуризм, в центре которого оказываются проблемы развития этнической идентичности, сохранения и развития традиционной культуры финно-угорских народов. Этнофутуризм возник в результате обращения к южноэстонской языковой и культурной традиции, а в 1990-е гг. завоевал свое место во всем финно-угорском культурном мире, в частности, оказался очень продуктивен в удмуртской литературе. Это художественное течение направлено на «решение проблемы этнической идентичности <...>, на популяризацию этничности, оно “говорит” о том, что для того, чтобы пользоваться “благами цивилизации”, входить в “городскую” жизнь, не обязательно нужно переходить на язык большинства, отказываться от своих традиций, возможен путь трансформации, гармоничного синтеза» [3, с. 85]. Этнофутуристы широко используют в своем творчестве об-

разы народной культуры, традиционные музыкальные инструменты и костюмы, фольклорные формы и жанры и т. п., внедряя их в новый культурный контекст, создавая на их основе массовые культурные продукты.

Мифологические образы в современной удмуртской литературе. В современной удмуртской литературе особое место занимают мифологические образы, что свидетельствует о сохраняющей свою значимость смыслообразующей роли мифа в культуре. Одной из важных идей является идея этногенетических мифов, объясняющих и описывающих происхождение удмуртов. При этом в современной литературе нередко подчеркивается их генетическая связь с финно-угорским культурным миром.

Приведем несколько больших групп важных мифологических сюжетов и образов, ставших наиболее продуктивными для современной удмуртской литературы. В качестве таких образов и мифологем нами были выделены следующие четыре группы: 1) легенда о «золотом веке», который может вернуться при соблюдении определенных условий; 2) предания о первых насельниках края; 3) мотивы священной реки как пути между мирами; 4) зооморфные мифологические образы как связь с первопредком. Рассмотрим их более подробно.

1. В древние времена чистые белые небеса были расположены низко, и небесные люди-демиурги спускались прямо на землю, обучая удмуртов и даря им различные культурные объекты. Позже люди стали выказывать непочтения к небесам, и они поднялись на недостижимую для людей высоту. Однако, если люди поумнеют и будут проявлять необходимую почтительность к священным объектам и представлениям, небеса могут опять спуститься к людям [4, с. 40].

2. Предания о первых насельниках края повествуют о мифологических великанах, которых северные удмурты называют «зэрпалы», а южные – «алангасары». Лес доходил им до коленей, и они ходили по нему, как по крапиве. Великаны были «дикими» людьми, не знающими культурных ценностей, и этим они противопоставлены человеку. После появления

на земле удмуртов великаны были вынуждены уйти из мира [4, с. 175–176].

3. Мировая гора и Мировая река – важные элементы сакральной топографии, структурирующие пространство в традиционной удмуртской картине мира. Священная река – это символический мировой путь, связывающий три мира (верхний мир богов, средний мир людей и нижний мир хтонических существ). Как пишет В. Е. Владыкин, «у удмуртов такой вселенской рекой была Кама – Тодыи Кам» [5, с. 220], по которой, к примеру, отправляли лебедей как вестников к верховному божеству, живущему в верхнем мире выше всех остальных богов и духов.

4. Один из ключевых и древнейших мифов в удмуртской традиции передает образ птицы и ее культ, характерный для этнической традиционной культуры. Водоплавающая птица у многих финно-угорских народов связана с мифом творения, и в удмуртской мифологии утка приносила в клюве землю со дна мирового океана, помогая верховному божеству создавать твердь. Образ птицы также соотносится с фигурой первопредка: в сохранившихся названиях древних родов-воршудов встречаются птичьи имена.

Необходимо рассмотреть и такой значимый для удмуртской культуры феномен, как институт «воршуда», а также связанные с ним культурные концепты и артефакты. Исследователи указывают на социально-организующую функцию воршуда: «воршудная организация <...> охватывала практически весь удмуртский этнос: почти каждый удмурт четко представлял, к какому воршуду он относится <...> в каждой удмуртской деревне и в большинстве семей сохранялись свои так называемые родовые <...> и семейные святыни-покровители воршуды» [5, с. 276]. Некоторые воршудные названия связаны с зоо- и орнитоморфными предками (Юсь – лебедь, Куака – ворона, Докья – глухарь и т. п.). Изображения воршудов хранились в особом лубяном коробе, а знак воршуда широко использовался вместо подписи или печати.

Очевидно, что воршуды остаются для удмуртской идентичности важным культурным кодом, хотя во многом утратили бытовое и религиозное значение; сегодня для большинства представителей этноса это скорее символ культурной памяти, чем реально бытующая система мифологических представлений. Далее в статье мы рассмотрим, как воршудные образы используются современными поэтами в качестве основы семиотической структуры текста.

Билингвальность удмуртской литературы как художественный прием трансформации смыслов. Обратимся к ведущим методам и художественным приемам, используемым современными удмуртскими поэтами, пишущими одновременно на русском и удмуртском языке.

Одним из распространенных методов выступает одновременное использование двух языков в одном произведении. Например, стихотворение «Ѓикъя Promo» Б. Анфиногенова [6, с. 40–41]:

<...>

Аккуратно уложена скатерть,
И на ней аккуратны узоры.
И подушки на старой кровати
Аккуратно лежат, словно горы.
Связки лука висят словно косы
Златовласой какой-то богини,
На тускнеющих бревнах кеноса
Аккуратно засечены линии.
И не важно какого достатка,
сколько связей твоих и денег.
Если нет в твоём доме порядка,
То удмурты тебя не оценят.

<...>

Не предложат тебе пресноватый,
Простоватый, но вкусный комеч.
Для меня в этом суть удмуртского,
То, что вряд ли возможно исправить.
Если пьешь хоть бутылку Ламбруско,
Но пустую на стол нельзя ставить.
Невозможно так взять и представить,
что душа у меня распахнется.
Нет, она, чтоб сберечь свою память,
В аккуратный комок сожмется.
Так сожмется, что выжмет слезу,

Вместо точки поставит тире.
 Вспомнив как в громовую грозу,
 Скажет бабушка «остэньмаре».
 Ты со мною Ёжикья воршудэ,
 Ты со мною Уча воршудэ,
 Ты со мною Пурга воршудэ!
 С вами в мире и мне не пусто.
 Ты со мною Гондыр выжые,
 Ты со мною Пислэг выжые,
 Ты со мной Пегасья выжые!
 <...>

Метафоры в данном тексте работают на выстраивание модели мира по схеме «микроскоп как отражение макрокосмоса» (подушки – горы, связки лука – косы богини). При этом произведение отражает картину мира носителя двух культур – современной русской (шире – глобализованной массовой культуры, приметой которой являются такие варваризмы, как английское слово *proto*, оставленное в названии стихотворения в латинской графике, или упоминания продуктов, ценных в рамках общества потребления – в этом контексте упоминается в тексте шампанское «Ламбруско») и традиционной удмуртской культуры. Последняя связана в картине мира рассказчика с бытовой сферой, локусом прошлого и детских воспоминаний, пространством уютного мира деревни.

Сначала, благодаря стратегии вспоминания образов из детства, в произведении выстраивается характерный деревенский хронотоп, структура которого не отличается для носителя русской и удмуртской культуры (скатерть с узорами, подушки на кровати, «косы» лука). Потом в этот универсальный для двух культур хронотоп проникают маркеры, вводящие в текст картину традиционного удмуртского быта: кенос (летний дом), *кёмеч* (блюдо традиционной удмуртской кухни), восклицание бабушки «Остэньмаре!» (диалектный вариант произношения апо-тропейной формулы, упоминающей верховного бога языческого пантеона удмуртов: «О великий Инмар!»). Эти реалии знакомы прежде всего тому, кто бывал в детстве именно в удмуртской, а не русской или какой-либо другой деревне. При этом встроенные в

текст образы охватывают основные сферы повседневного: традиционная религиозная система, упомянуты жилище, пища, правила поведения за столом и т. д. Это позволяет говорить о выстраивании оппозиции «свой» (тот, кто живет в «нашем» жилище, ест «нашу» пищу и помнит о «наших» богах) – «чужой» (живущий в иных культурных реалиях). После данного смыслового разграничения автор начинает выражать свои мысли уже билингвально, смешивая русские и удмуртские слова в одном предложении – очевидно, полагая, что общая культурная память, пробужденная детскими воспоминаниями, позволит читателю понять смысл таких вербальных конструкций.

Ёжикья – один из старинных удмуртских родов («воршудов»), так же как Уча и Пурга. В качестве тотемов-прародителей в тексте упоминаются «гондыр» – медведь, «пислэг» – синица. В одном ряду с этими животными, имеющими важную роль в традиционной удмуртской картине мира, оказывается Пегас – образ, всплывающий не из удмуртской и даже не из русской, но из древнегреческой мифологии, ставший частью современной мировой культуры.

Таким образом, в конце стихотворения автор обращает наше внимание на то, что «мировая» культура, в которую сегодня одинаково сильно интегрированы и русская, и удмуртская картина мира, связана не только с массовой поп-культурой («*proto*» и алкоголь иностранной марки), но и с «высоким» регистром культурных кодов: в ряд тотемов встраивается образ Пегаса как символ принадлежности автора к мировой поэтической традиции.

Еще более интересным и ярким примером использования приема билингвальности является произведение А. Шумиловой «Постудмурты» («Постудмуртьёс») [6, с. 50–51]. Оно сложно выстроено и содержит фактически сразу три текста: удмуртский, авторский перевод на русский и прямой подстрочник с удмуртского, который дает нам понять, что на русском и удмуртском в действительности создано два разных произведения, связанных с различными образными системами и картинами мира.

Мы пили чай из трав,
играли на кубызе,
удмуртку рисовал,
ругая Мону Лизу,
постэтнотурист.
Курил табак домашний
<...>
читал стихи на вотском,
какую-то фигну
рассказывал о Бродском,
к словам приставку «пост-»
приклеивал: постгуру,
поствера, постневроз,
постэтно, постфутура.
Прекрасный новый мир,
что ждет нас в устье Камы,
он описал – и стих.
<...>
Сказал мне по секрету,
что видел страшный сон:
впадает Кама в Лету.

Подстрочный перевод с удмуртского:

*На кухне льются звуки кубыза,
балкон туманится розовым дымом,
кто-то что-то рассказывает о свободе,
кто-то рисует лист конопли.
Травяной чай, кисловатую медовуху,
звуки кубыза мы пьем. Меня
обняв, милый парень стихи
мне шепчет в ухо – хочется губы
к его губам приклеить,
но я вместо этого приставку «пост-»
приклеиваю к словам. Получается:
постэтно, постфутура, постневроз,
постзэрпалы – размером с муравьев.
Гниет постмодернизм. Постудмурты
уходят на постладьях по пост-Каме.*

Общая образная часть всех текстов такова: автор начинает с описания вечеринки, на которой пьют чай из трав (традиционный удмуртский напиток) и играют на кубызе (традиционный удмуртский музыкальный инструмент, который стал очень популярен в 1990-е гг. и являлся одним из ключевых символов национального возрождения удмуртской культуры).

Далее повествование выстраивается персональному. В «русском» тексте главным персонажем становится некий «постэтнотурист», за действиями которого достаточно отстраненно наблюдает рассказчица. О важности этнофутуризма для самоидентификации удмуртской литературы и – шире – культуры мы уже писали выше. Однако этнофутуризм, как чрезвычайно плодотворный феномен финно-угорского культурного мира, остался в целом для удмуртской культуры в 1990-х – начале 2000-х гг., то есть уже в прошлом; вопрос о продуктивности этнофутуризма для современной удмуртской культуры является открытым. Персонаж ведет себя подчеркнуто стереотипно, как и должен выглядеть человек, пытающийся «удержаться» за ценностный и образный ряд традиционной культуры в современном мире: он курит домашний табак, рисует удмуртку, ругая при этом Мону Лизу (так как это для него растиражированный чуждый традиционной культуре образ, не связанный с актуальными культурными кодами), читает стихи «на вотском» (сниженное разговорное название удмуртского; интересна в этом контексте оригинальная рифма «Бродский – вотский», которая в сочетании с вульгаризмом «фигня» встраивает образ поэта в общий сниженный контекст сцены).

Автор в этом стихотворении задается вопросом: есть ли будущее у этнофутуризма? Или «пост»этнофутуризм – такое же механистическое «склеивание» разнородных слов, как и «постгуру» и «постневроз»? Заканчивается произведение пессимистической картиной: «впадает Кама в Лету». Кама – приток Волги, ключевая река для удмуртского культурного пространства, так как удмурты традиционно жили на ее берегах. Ее впадение в Лету, то есть реку мира мертвых в античной мифологии, – символ гибели, заката удмуртской традиционной культуры. При этом важно отметить, что Лета – чужеродный для удмуртов культурный символ.

Вариант стихотворения на удмуртском выстроен совершенно по-иному, в чем мы можем убедиться, обратившись к подстрочнику. Герои здесь ведут себя гораздо более раскованно: пьют не только чай, но и медовуху, рисуют

лист конопли. Лирическая героиня в этом тексте также гораздо более активна: она не просто наблюдает за лингвистическими экспериментами «постэтнотуриста» и слушает его рассуждения, но вовлечена в любовную игру «с милым парнем» и сама выстраивает ряд слов с приставкой *post-*, в котором возникают не только характерные для западной культуры «постневроз» и «постэтно», но и «постзэрпалы». Зэрпалы – древние великаны из удмуртской мифологии, обитавшие на земле до появления на ней людей, которые с приставкой «пост» стали «размером с муравья».

Лингвистические эксперименты с приставкой *post-* героиня считает непродуктивными («гниет постмодернизм»), но при этом окончание стихотворения на удмуртском оказывается совершенно иным, если сравнить его с русскоязычным вариантом. Оно не просто лишено мрачного финального образа реки забвения Леты – в этом варианте в последней строке «Постудмурты уходят на постладьях по пост-Каме». В «постмире» для носителей традиционной культуры нет места, поэтому они его покидают, уходя на поиски подходящего для них пристанища.

Таким образом, стихотворения на русском и на удмуртском языке – это два различных в смысловом отношении высказывания. Если на русском будущее культуры и ее последних носителей трагично, то на удмуртском языке в конце стихотворения присутствует надежда на то, что удмурты смогут найти пространство для своей культуры в постмире.

Как отмечает И. В. Малыгина: «Антитеза “мы” – “они”, свойственная идентичности в целом, в случае с этнокультурной идентичностью манифестируется через набор внешних маркирующих черт и характеристик, наглядно атрибутирующих данную культуру и уровень ее самобытности» [7, с. 80]. Здесь проявляется компенсаторная функция мифа (использование мифологических образов), который позволяет «...преодолевать неудовлетворенность тем положением, в котором оказалась этнокультурная группа в силу исторических обстоятельств, разубеждая в фатальности этого положения путем апелляции к “золотому веку”,

который непременно был в истории всякого народа, а значит, кризис можно преодолеть и время расцвета вернется вновь» [7, с. 124]. При этом наблюдается обращение к образам идеализируемого прошлого, которое одновременно предстает как желаемое будущее.

Обращаясь к творчеству Анастасии Шумиловой, необходимо упомянуть также ее стихотворение «Идентификация», написанное на удмуртском языке (перевод на русский Е. Коробковой). Оно вошло в антологию «Современная литература народов России. Поэзия» [8, с. 399].

А просто я невелика.
Я в целом мире лишь
Пшеницы горсть со дна мешка,
На дне реки – голыш.
Плывущий по реке листок,
Осиновый, седой.
Нырнувший за жуком чирок –
Лишь попка над водой.
В тумане ежик – это я,
В лесу – трухлявый пенёк.
Вон та корова пестрая,
Жующая весь день.
Я цапля серая в степи.
В руках слепого – трость.
Я грязь, в меня не наступи,
Когда начнется дождь.
И я – мясник и мясо. Здесь
Законы таковы,
Что слово целое аз есмь,
И в слове буква – ы.
Я шерсть овцы, я нежный пух
остриженных ягнят.
Я – руки сгорбленных старух,
Что шерсть растеребят.
Я иноземным червячком
Сплетаю шелка нить,
Я больно падаю ничком,
Но продолжаю жить.
Я и жена без мужика,
И хата без детей.
Неспетой песенки строка,
Гулянье без людей.
Я – ненаписанный сонет,
Я – неупавшая роса,
я – невзошедший первоцвет,

седьмая спица колеса
Я – непостроенный лабаз,
я – непрополотый латук,
я – нерасказанный рассказ,
я – незалеченный недуг.
И прялка сломанная я,
Я и тюрьма без вора,
Несушка не несущая,
Зарежут скоро...
А просто я невелика,
А мир совсем не мал,
И по крупцам на века
Меня он раскидал.

Стихотворение – поиск самоопределения через образы традиционной культуры: лирическое Я – это «пшеницы горсть со дна мешка, на дне реки – голыш», ныряющая утка, пестрая корова, «я шерсть овцы» и одновременно – «я руки сгорбленных старух, что шерсть растеребят». Но так как традиционная культура народов России сегодня уже не может существовать в «чистом» виде, без влияния русской и – шире – мировой культуры, в этот ряд проникают и такие образы, как ежик в тумане или «ненаписанный сонет». Этнокультурная идентичность у автора стихотворения получает амбивалентную характеристику, когда корневая связь с традиционной культурой дополнена обозначением причастности к миру современной массовой культуры.

Заключение. Современная удмуртская литература активно развивается в разных жанрах и проявляется в ряде течений и направлений. Проанализировав поэтические произведения наиболее признанных молодых удмуртских авторов на предмет обращения к теме этнокультурной идентичности и использования мифологических образов, можно обозначить следующие выводы:

- мифологические образы широко используются современными авторами для характеристики культурного контекста, маркировки этнокультурной идентичности героя или самого автора произведения;

- мифологические образы удмуртской поэзии соотносятся с культурными кодами, семантическими рядами персонажей, воплощенными в мифопоэтике различных народов и обладающими культурными универсалиями (представления о Великой/Мировой реке, Мировой горе, этногенетические мифы выступают системой культурных кодов [9] на глобальном уровне);

- мифологические образы включены в оппозицию «свое» – «чужое», где «свое» непременно имеет положительную коннотацию, а «чужое», если не отторгается, то выступает антиподом традиционной культуры удмуртов;

- обращаясь к билингвальному способу поэтического высказывания, авторы создают два ценностно-смысловых мира, каждый из которых выражен на своем языке (русском и удмуртском). При этом вариант на удмуртском языке более лиричен, связан с мифологией народа и возможностью позитивного будущего для удмуртов;

- мифологические образы в современной удмуртской литературе органично включены в произведения, посвященные дню сегодняшнему, передающие чувства и стремления наших современников, что свидетельствует об органичности и укорененности мифа в сознании носителя удмуртской культуры.

Таким образом, этнокультурная идентичность проявляется в произведениях современной удмуртской литературы через обращение к мифологическим образам, культурным кодам и культурно-исторической памяти удмуртского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнов С. А. Этничность – объективная реальность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 7–10.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Анфиногенов Б. В. Этнофутуризм и этнические проблемы // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7–1. С. 83–86.

4. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции и систематики: моногр. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 356 с.
5. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
6. Альманах современной поэзии Удмуртии: вып. 1. Ижевск, 2018. 176 с.
7. Малыгина И. В. Идентичность в философской, социальной и культурной антропологии. М.: Согласие, 2018. 240 с.
8. Современная литература народов России. Поэзия. М.: ОГИ, 2019. 568 с.
9. Аванесова Г. А., Купцова И. А. Код культурный // Прикладная культурология. Энциклопедия / под ред. И. М. Быховской. М.: Согласие, 2019. С. 270–273.

REFERENCES

1. Arutyunov S. A. Etnichnost – obyektivnaya realnost. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1995, No. 5, pp. 7–10.
2. Assman Ya. *Kulturnaya pamyat: Pismo i pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokikh kulturakh drevnosti*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2004. 368 p.
3. Anfinogenov B. V., Etnofuturizm i etnicheskie problemy. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2015, No. 7–1, pp. 83–86.
4. Vladykina T. G. *Udmurtskiy folklor. Problemy zhanrovoy evolyutsii i sistematiki: monogr.* Izhevsk: Udmurtskiy in-t istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1997. 356 p.
5. Vladykin V. E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov*. Izhevsk: Udmurtiya, 1994. 384 p.
6. Almanakh sovremennoy poezii Udmurtii. Iss. 1. Izhevsk, 2018. 176 p.
7. Malygina I. V. *Identichnost v filosofskoy, sotsialnoy i kulturnoy antropologii*. Moscow: Soglasie, 2018. 240 p.
8. Sovremennaya literatura narodov Rossii. Poeziya. Moscow: OGI, 2019. 568 p.
9. Avanesova G. A., Kuptsova I. A. Kod kulturnyy. In: Bykhovskaya I. M. (ed.) *Prikladnaya kulturologiya. Entsiklopediya*. Moscow: Soglasie, 2019. Pp. 270–273.

Купцова Ирина Александровна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: ia.kupcova@mpgu.su

Kuptsova Irina A., ScD in Culture studies, Professor, Culture Studies Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: ia.kupcova@mpgu.su

Бучкина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: ea.buchkina@mpgu.su

Buchkina Elena A., PhD in Philology, Associate professor, Culture Studies Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: ea.buchkina@mpgu.su

Статья поступила в редакцию 14.08.2020

The article was received on 14.08.2020